

Охота на диких кабанов была командной, так как звери становились намного больше, так как снег начал таять в нескольких районах к северу от стены. Они уже были больше, чем те, что к югу от стены, как и большинство животных, но тающий снег, ведущий к большому изобилию пищи, позволял существам расти до их истинного потенциала. Вот почему для охоты на одного потребовалась команда из шести человек. Не потому, что их было трудно поймать, вшестером они могли легко убить животное в течение часа после его обнаружения. Проблема заключалась в том, чтобы вернуть его в лагерь. Кабан, как правило, избегал лагерей одичалых, а это означало, что охотничьим командам приходилось выслеживать и возвращать зверей с расстояния до двадцати миль, унося тяжелое существо обратно, поскольку у них было очень мало лошадей.

В каждой команде, отправленной на охоту, был варг, один из восьми, оставшихся среди одичалых после событий долгой ночи. Варг мог проникать в разум животного и видеть глазами избранного существа, обычно птицы, когда дело доходило до охоты. Когда кабан был замечен, варг прыгал в тело зверя и подходил к группе, спокойный и готовый быть убитым. Варг покидал тело жертвы, а остальная часть команды стреляла стрелами, выводя его из строя, прежде чем, наконец, перерезать ему горло. Затем нужно было пройти не менее пяти дней до лагеря, неся животное, чтобы накормить группу. Они меняли охотничьи группы, и всегда была команда, ловившая кабана или оленя, чтобы накормить тех, кто пережил долгую ночь, которая, казалось, была чуть больше года назад, но, вероятно, это было больше.

Джон сбился со счета, сколько раз он охотился на кабана в холодный снег, ветер и лед к северу от стены, чтобы накормить свой народ. Сначала ловить было легче. По глубокому снегу намного легче ходить, но в последнее время весна брала верх, что было хорошо для размера кабана, но идти становилось все труднее. Исчезли короткие пути по замерзшим озерам и мягкому цепкому снегу. Его заменили пучки травы, которые теперь можно было увидеть стелющимися по когда-то совершенно белому ландшафту. Тающий снег оставлял лед и слякоть, что делало движение тяжелее, медленнее и опаснее. Вскоре возвращение с убийством заняло бы неделю вместо пяти дней, которые когда-то составляли три. Конечно, как только весь снег растает, охота будет быстрее, чем зимой, но сейчас была худшая погода.

Варгом на этой конкретной охоте был человек по имени Хоран. Как и остальные варги, он предпочитал смотреть глазами орла, позволяя ему парить в небе, давая ему такую перспективу, которую люди только осмелились себе представить. У самого Джона были способности к боевым действиям, хотя его навык не развивался, как у Хорана. До сих пор ему удавалось превращаться только в своего Призрака лютоволка. Он не раз пытался проникнуть в разум птицы, но так и не овладел этим, что до недавнего времени заставляло его подозревать, что его способности ограничены, и он мог проникнуть в разум Призрака только из-за какой-то связи между ними. общий. Джон всегда считал, что его время видеть глазами Призрака было больше похоже на сон, чем на полные способности варгинга, поскольку он не мог контролировать Призрака, в отличие от Хорана, со своим орлом. Как таковой, он никогда никому не рассказывал о том, что он может сделать с Призраком, это было что-то личное между ним и его лютоволком. Время, когда он мог наслаждаться свободой, не беспокоясь, что кто-то убьет его в слабое место, и хотя теперь он неохотно стал фактическим королем за стеной, у него все еще было много врагов, которые хотели бы видеть его мертвым. Некоторые были к северу от стены, но большинство лежало в других местах, Эссосе, Летних островах и Наарте, были даже те, кто южнее стены желал его смерти. Поэтому Джон всегда был настороже, за исключением тех случаев, когда он был в сознании Призрака, в те короткие периоды времени он был свободен, бродил по земле, кормился и бегал. Как говорится, что-то недавно изменилось. Время, когда он мог наслаждаться свободой, не беспокоясь, что кто-то убьет его в слабое место, и хотя теперь он неохотно стал фактическим королем за стеной, у

него все еще было много врагов, которые хотели бы видеть его мертвым. Некоторые были к северу от стены, но большинство лежало в других местах, Эссосе, Летних островах и Наарте, были даже те, кто южнее стены желал его смерти. Поэтому Джон всегда был настороже, за исключением тех случаев, когда он был в сознании Призрака, в те короткие периоды времени он был свободен, бродил по земле, кормился и бегал. Как говорится, что-то недавно изменилось. Время, когда он мог наслаждаться свободой, не беспокоясь, что кто-то убьет его в слабое место, и хотя теперь он неохотно стал фактическим королем за стеной, у него все еще было много врагов, которые хотели бы видеть его мертвым. Некоторые были к северу от стены, но большинство лежало в других местах, Эссосе, Летних островах и Наарте, были даже те, кто южнее стены желал его смерти. Поэтому Джон всегда был настороже, за исключением тех случаев, когда он был в сознании Призрака, в течение тех коротких периодов он был свободен, бродя по земле, питаясь и бегая. Как говорится, что-то недавно изменилось. Поэтому Джон всегда был настороже, за исключением тех случаев, когда он был в сознании Призрака, в течение тех коротких периодов он был свободен, бродя по земле, питаясь и бегая. Как говорится, что-то недавно изменилось. Поэтому Джон всегда был настороже, за исключением тех случаев, когда он был в сознании Призрака, в течение тех коротких периодов он был свободен, бродя по земле, питаясь и бегая. Как говорится, что-то недавно изменилось.

В прошлую ночь, когда он спал, он больше не проникал в разум Призрака, вместо этого его сны лютоволка изменились, теперь Джон видел Земли Вечной Зимы с воздуха, когда он дремал. Когда это произошло, существо, в которое он вошел, начало колебаться и падать, поскольку Джон не знал, как управлять летающим телом, в котором он обитал, что вынудило его вылезти в течение нескольких секунд после входа в него, разбудив его, чувствуя жар и временную лихорадку. Он не знал, как далеко было существо, но подозревал, что оно ищет его, и эта мысль наполняла его ужасом и страхом.

Огонь и кровь пришли, чтобы отомстить, вот почему он решил пойти на эту охоту. Если бы он остался в лагере, все одичалые были бы в опасности от черного зверя, который хотел уничтожить его, убив свою мать. Если дракон найдет его на охоте, то пострадает самое большее шестеро из них. Однако Джон придумал план, чтобы, оказавшись достаточно далеко от лагеря, он мог заставить остальных вернуться к оставшимся одичалым, взяв с собой Призрака в качестве доказательства, чтобы сообщить своему лучшему другу, сумасшедшему рыжеволосому Тормунду Великану Смерти о судьбе Джона. Тормунд знал бы, что нужно сказать своей кузине, королеве Сансе, хотя он подозревал, что король Бран сообщил бы ей еще до того, как Тормунд достиг Винтерфелла, теперь, когда Бран был Трехглазым Вороном и знал все, если бы он так хотел посмотреть. И Джон был уверен, что король, должно быть, шпионил за своим когда-то сводным братом-бастардом Джоном Сноу, особенно зная, что Джон был самой большой угрозой правлению Брана, поскольку Джон должен был раскрыть свою личность только тем, кто все еще хотел добиться имени Таргариен. попытаться свергнуть своего кузена. По общему признанию, это число, вероятно, несколько уменьшилось после того, как Королева Драконов сошла с ума от горя из-за потери своих друзей и двух своих драконов. Она пыталась и почти преуспела в процессе уничтожения Королевской Гавани. Джон убил ее, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие, поэтому теперь он был лидером за стеной. Во время правления Джона нужно было только раскрыть свою личность тем, кто все еще хотел получить имя Таргариен, чтобы попытаться свергнуть его кузена. По общему признанию, это число, вероятно, несколько уменьшилось после того, как Королева Драконов сошла с ума от горя из-за потери своих друзей и двух своих драконов. Она пыталась и почти преуспела в процессе уничтожения Королевской Гавани. Джон убил ее, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие, поэтому теперь он был лидером за стеной. Во время правления Джона нужно было только раскрыть свою личность тем, кто все еще хотел получить имя Таргариен, чтобы попытаться свергнуть его кузена. По общему признанию, это число, вероятно, несколько

уменьшилось после того, как Королева Драконов сошла с ума от горя из-за потери своих друзей и двух своих драконов. Она пыталась и почти преуспела в процессе уничтожения Королевской Гавани. Джон убил ее, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие, поэтому теперь он был лидером за стеной.

Зная, что Дрогон придет за ним, со своей стороны, Джон не боялся смерти, которую принесет Дрогон. Наоборот, это было бы некоторым утешением, избавлением от вины, от которой жизнь среди свободных людей не избавила его. Вместо этого оно вернуло ему воспоминания о другой любви, которую он позволил убить ради долга, об Игритт, его первой любви, одичалой, которую поцеловал огонь.

Ночью, пока они спали, когда Джон не превращался в дракона, ему снились странные сны, один из которых преследовал его снова и снова. Он был в замке, где-то, чего он не узнал. Прогуливаясь по залам, он слышал женское пение. Джон отчаянно пытался найти женщину, поэтому последовал ее голосу. В конце концов он добрался до большого зала, в одном конце которого он увидел ванну, стоящую на возвышении. Подойдя поближе, он увидел, что в ванне находится обнаженное тело женщины, ее бледно-белая кожа становится синей от льда, застрявшего в ванне. Он не мог видеть ни ее волос, ни лица, только ее холодное мертвое тело. Его сердце было разбито, если бы он приехал раньше, может быть, он смог бы спасти ее. Джон побежал, может быть, еще было время ее вытащить, но огонь окружил его, он увидел, как из ванны капает кровь, но ему нужно было спасти ее, и для этого он должен был пройти сквозь пламя, независимо от того, сожгут ли они его. Когда он шагнул в пламя, ее имя уже было готово слететь с его губ, когда он почувствовал толчок и открыл глаза. Перед ним был Призрак, разбудивший его, вытащивший из сна и помешавший спасти женщину в ванне. Каждый раз, когда ему снился сон, Призрак будил его точно в то же время, как если бы не давал ему ступить в пламя, по крайней мере, Призрак останавливал бы его, пока он был еще рядом. Он задавался вопросом, знал ли Призрак и пытался спасти его от погружения в какое-то метафорическое безумие Таргариенов, но не то чтобы это имело какое-то значение. Приближался Дрогон, а Джон все равно собирался умереть, может быть, сойти с ума было бы благословением. независимо от того, сожгли ли они его. Когда он шагнул в пламя, ее имя уже было готово слететь с его губ, когда он почувствовал толчок и открыл глаза. Перед ним был Призрак, разбудивший его, вытащивший из сна и помешавший спасти женщину в ванне. Каждый раз, когда ему снился сон, Призрак будил его точно в то же время, как если бы не давал ему ступить в пламя, по крайней мере, Призрак останавливал бы его, пока он был еще рядом. Он задавался вопросом, знал ли Призрак и пытался спасти его от погружения в какое-то метафорическое безумие Таргариенов, но не то чтобы это имело какое-то значение. Приближался Дрогон, а Джон все равно собирался умереть, может быть, сойти с ума было бы благословением. Перед ним был Призрак, разбудивший его, вытащивший из сна и помешавший спасти женщину в ванне. Каждый раз, когда ему снился сон, Призрак будил его точно в то же время, как если бы не давал ему ступить в пламя, по крайней мере, Призрак останавливал бы его, пока он был еще рядом. Он задавался вопросом, знал ли Призрак и пытался спасти его от погружения в какое-то метафорическое безумие Таргариенов, но не то чтобы это имело какое-то значение. Приближался Дрогон, а Джон все равно собирался умереть, может быть, сойти с

ума было бы благословением. Перед ним был Призрак, разбудивший его, вытащивший из сна и помешавший спасти женщину в ванне. Каждый раз, когда ему снился сон, Призрак будил его точно в то же время, как если бы не давал ему ступить в пламя, по крайней мере, Призрак останавливал бы его, пока он был еще рядом. Он задавался вопросом, знал ли Призрак и пытался спасти его от погружения в какое-то метафорическое безумие Таргариенов, но не то чтобы это имело какое-то значение. Приближался Дрогог, а Джон все равно собирался умереть, может быть, сойти с ума было бы благословением. По крайней мере, Призрак остановит его, пока он еще рядом. Он задавался вопросом, знал ли Призрак и пытался спасти его от погружения в какое-то метафорическое безумие Таргариенов, но не то чтобы это имело какое-то значение. Приближался Дрогог, а Джон все равно собирался умереть, может быть, сойти с ума было бы благословением. По крайней мере, Призрак остановит его, пока он еще рядом. Он задавался вопросом, знал ли Призрак и пытался спасти его от погружения в какое-то метафорическое безумие Таргариенов, хотя это не имело бы никакого значения. Приближался Дрогог, а Джон все равно собирался умереть, может быть, сойти с ума было бы благословением.

Чтобы его план прошел гладко, Джон решил взять пятерых мужчин, которые, скорее всего, будут подчиняться его приказам, чтобы они оставили его, когда им скажут. Они не были трусами или глупцами, но они были более привычны к выполнению приказов Джона из-за своей молодости, за исключением варга Хорана, который был по крайней мере на десять лет старше его. Надеюсь, что перспектива появления дракона, который сожжет их всех дотла, будет достаточной, чтобы заставить его бежать и оставить их лидера в покое, чтобы встретиться с монстром. К счастью, теперь они были достаточно далеко от лагеря, чтобы попытаться обезопасить его людей, его мысли были теперь со своими товарищами, он просто надеялся, что Хоран увидит угрозу достаточно рано, чтобы Джон спас их жизни.

Призрак сидел рядом с Джоном, его пальцы перебирали белый мех лютоволка. «Ты был верен мне, мальчик. Но я знаю, что скоро наши пути разойдутся». — сказал он, когда Призрак заскулил в ответ. «Мне нужно, чтобы ты сделал для меня две вещи: когда придет время, отведи этих людей обратно в лагерь. Затем я хочу, чтобы ты пошла с Тормундом к Сансе, позволила ей попрощаться в последний раз. Ты можешь либо остаться и защитить ее, либо вы сможете свободно бродить и найти себе даму, может быть, заведете щенков». он улыбнулся. Призрак просто посмотрел на него, потом опустил голову, скрестив лапы и положив на них подбородок. Джон знал, что лютоволк не похож на других волков или собак. Только те, у кого была такая же связь, как когда-то у него с Призраком, полностью понимали, чего хочет другой. Он просто надеялся, что от Джона в волке осталось достаточно, чтобы его теперь очень большой и верный друг исполнил его последнюю волю. Из-за его размера, в то время как Призрак всегда был близко к Джону, другие, как правило, держались на расстоянии, опасаясь огромного зверя. Поэтому, когда Хоран приблизился, Джон понял, что это серьезно.

«Кабан пропал». Хоран сказал ему.

"Как?" — потребовал Джон. «Разве ваш орел недостаточно внимательно следил за вами?»

"Это не то." Хоран испуганно покачал головой. «Все существа в страхе бегут. Они все бегут и летят на северо-запад. Что-то приближается, что-то настолько ужасное, что они спасаются бегством».

— Как давно ты это понял? Джон встал, зная, что время приближается.

— Всего несколько минут назад. Хоран посмотрел на него со страхом. "Может быть, белый..." начал он, но Джон покачал головой.

Джон кивнул, вставая. «Это не белые ходоки идут за нами, Хоран, это огонь. И он идет за мной, а не за тобой. Возьми своего орла и верни остальных в лагерь. Дракон не последует». — приказал он.

"Откуда вы знаете?" — с ужасом спросил Хоран.

Джон проигнорировал вопрос. «Призрак защитит тебя. Иди к Тормунду, скажи ему, чтобы он отвел Призрака к Сансе. Просто уходи, я разберусь с драконом. Он хочет меня, больше никого». Джон положил руку на плечо Хорана. "Но вы все должны уйти, сейчас же. Мне нужно, чтобы вы УЙДИТЕ!" — строго сказал он, когда Хоран просто кивнул и побежал к другим членам группы, которые в замешательстве посмотрели на них.

Сообщение не заставило себя долго ждать, страх овладел всеми, когда они поняли, что дракон направляется в их сторону, и Джон собирается взять на себя огонь от их имени, пока Призрак доставит их в безопасное место в лагере. Джон просто надеялся, что он был прав, и Дрогон хотел только его и его смерти, если бы он верил в бога, он бы молился, чтобы огонь разгорелся быстро и быстро, однако его религиозные убеждения теперь были повсюду. Он и раньше сталкивался со смертью, но эта смерть была ледяной, на этот раз она будет через огонь, его истинную природу, которую он скрывал или, по крайней мере, пытался игнорировать. Теперь, чуть больше года после его изгнания, он собирался встретить покой смерти, ничтожество, как и в прошлый раз, но, надеюсь, не будет красной женщины, которая вернет его.

Железнорождённые почти правильно выразили свой девиз: то, что мертво, может никогда не умереть. Истинная поговорка должна заключаться в том, что мертвое должно оставаться мертвым.

Когда мужчины ушли, как и Призрак. Джон, наконец, остался один, чтобы найти дракона и встретить огонь и смерть, которых он почти жаждал. Он подписался на жизнь встречи своих последних мгновений, но все они были изображениями льда, но конечная ирония заключалась в том, что огонь станет его конечной судьбой.

Это было после того, как люди отсутствовали день, надеясь, что они были по крайней мере в десяти милях от него, по его расчетам, когда он услышал первый визг Дрогона. Он ожидал, что этот звук будет преследовать его, вызывая плохие воспоминания о том, что звук и символизировал. Он должен был бы оттолкнуться от шума и даже испугаться его, но случилось обратное. Джон внезапно ощутил умиротворение от присутствия приближающегося дракона. Может быть, это он примирился с надвигающейся смертью, на этот раз действительно заслуженной, но Джон подозревал, что это была не единственная причина, по которой он так себя чувствовал. Ему надоело быть изгоем, презираемым за то, кем и кем он был, но ни в чем не виноватым. Он всегда старался поступать правильно для многих, но ему приходилось платить цену за то, что он не делал правильно для немногих. С момента его зачатия, люди платили смертью за его существование. Умерев, он позволил бы многим жить.

На личном уровне, как важной фигуре в сообществе свободных людей, многих заботило, жив он или умер, но никто по-настоящему не любил его, за исключением, может быть, Призрака. Поэтому он сообщил о своей смерти из вежливости, чтобы мир знал, что он больше не представляет угрозы для своего когда-то сводного брата. Династия Таргариенов умрет вместе с ним самым подходящим образом — драконьим пламенем.

Небо потемнело, и Джон посмотрел вверх, он увидел красное брюхо монстра над собой. Дрогон, должно быть, вырос футов на десять с тех пор, как Джон в последний раз видел его или ее. Джон даже не знал, был дракон мужчиной или женщиной. Когда Дрогон с глухим стуком приземлился, его черная чешуя заблестела под уже более сильным зимним солнцем. Он был

великолепным зверем. Джон улыбнулся, как иронично, единственный дракон, воплощающий цвета дома Таргариенов, собирался уничтожить последнего живого члена некогда великой династии.

Дрогог визжал и пускал пламя в воздух, Джон понял, дракон был зол на него и на мир, он скучал по матери, но больше всего ему нужно было отомстить тем, кто не сдержал свое слово и Джон опередил всех. очередь. Джон стоял перед пастью дракона, ожидая своей участи, но ничего не произошло. Дрогог просто смотрел на него. Джон нахмурился, задаваясь вопросом, нужна ли дракону какая-то команда, чтобы совершить действие. Он помнил, как Дэни говорила с драконами на странном звучащем языке, она использовала высокий валирийский язык, который он почти не понимал, однако он привык к одному слову и сам использовал его.

"Дракари!" Джон позвал Дрогога, закрыв глаза в ожидании пламени, но оно так и не появилось. "Дракари!" — крикнул он еще раз, на этот раз открыв правый глаз, чтобы увидеть реакцию дракона. То, что он увидел, потрясло его. Дракон скрестил передние лапы и положил на них подбородок, как будто ожидая царапины, как это сделал бы Призрак. Джон нахмурился. Неужели он неправильно истолковал, чего от него хочет Дрогог, действительно ли он хочет его смерти? Слова мастера Эймона преследовали его.

« Один Таргариен в этом мире — это ужасно».

Джон слышал, что драконы умнее людей. Если это так, то, возможно, драконы понимали людей лучше, чем они сами. Либо так, либо дело было просто в том, что Дрогог был одинок и, привыкнув к всаднику на драконе, ему нужен был другой, и Джон был единственным оставшимся доступным вариантом, поэтому он искал Джона в отчаянии для товарищества, а не для мести.

Джон рассмеялся, страх перед огнем и кровью охватил его за последнюю неделю, но оказалось, что это всего лишь два одиноких дракона, нуждающихся в огненной компании. Дрогог протянул свое крыло, точно так же, как Джон много раз видел, как он делал это для Дени, чтобы позволить ей забраться ему на спину, чтобы она могла оседлать его. Джон знал, что просит его забраться к нему на спину, чтобы они могли ехать вместе. Смесь эмоций, подпитываемых Джоном: страх, теплота, утешение и страх. Последнее было самым важным. Если он встанет на спину Дрогога, сойдет ли он с ума, как его предыдущий всадник? Было ли это частью его крови Таргариенов? Природа или воспитание? Джон напомнил себе, что он наполовину Старк, ему нужно цепляться за лед в своей крови, чтобы сдерживать огненное безумие. Это не помешало бы ему обнять дракона, ему просто нужно было вспомнить свои корни, узнать, кто он такой, чтобы пламя не захлестнуло его.

Джон глубоко вздохнул и в последний раз огляделся. Он знал, что умирает во второй раз, за исключением того, что это была метафорическая смерть, а не буквальная. Человек, стоявший и смотрящий на дракона, был Джон Сноу, бастард Винтерфелла, лорд-командующий Ночного Дозора, Король Севера, стоявший на коленях, Король к северу от Стены. В тот момент, когда он ступит на крыло Дрогога, все эти имена будут забыты, он станет Эйгоном Таргариеном.

Неуверенно Джон поднял ногу и поставил ее на крыло Дрогога. Он поднялся намного дольше, чем с Рейгалом, поскольку Дрогог был намного больше. Ему удалось сесть между шипами на спине дракона, думая про себя, что на этой чертовой штуковине должно быть сиденье для комфорта. Дрогог повернул голову к Джону и кивнул, словно понимая мыслительный процесс Джона. Именно в этот момент Джон снова вспомнил, что ничего не знает о родном языке, на который, похоже, реагировали драконы, и задумался, как он собирается поднять Дрогога в воздух.

"Лети!" — сказал Джон, надеясь, что Дрогон поймет, но явно не понял. «Вверх, мальчик, вверх». — предложил он, пиная ногами зверя, словно это был мул, но дракон уставился на него, сначала в замешательстве, но между ними проскользнуло что-то еще, знание, подобное тому, которое он когда-то имел с Призраком, которое теперь, казалось, заключало в себе теплоту. дракона между его ног, путешествующего по всему его телу. Джон попробовал другую тактику, он закрыл глаза и попытался представить себя внутри разума дракона, чтобы увидеть, можно ли найти нужное ему слово, но вдруг обнаружил, что не может варга, как будто зверь держал его. вне. — Не ты тоже. Джон вздохнул, заметив, что дракон смотрит на него, ожидая его команды. Тогда у него возникла идея, если он скажет дракону, куда идти, может быть, тогда Дрогон будет знать, что делать. Но куда он мог пойти? Большая часть Вестероса была за пределами границ, ни его сестра, ни его двоюродный брат не отвергли бы его прямо сейчас, потому что он мог подвергнуть ее земли опасности. Ему нужно было уйти далеко, сначала принять на себя опасность и победить врагов. Но прежде всего ему нужно было выучить высокий валирийский язык, чтобы управлять своим драконом. Единственное место, которое, как он знал, было брошено на произвол судьбы, было хорошо известно Дрогону. Какое-то место, где должны быть тексты, которые он мог бы найти, чтобы выучить язык, прежде чем уничтожать своих врагов, чтобы он не стал угрозой для Вестероса. Единственное место, куда он мог пойти, был Драконий Камень. сначала примите на себя опасность и победите врагов. Но прежде всего ему нужно было выучить высокий валирийский язык, чтобы управлять своим драконом. Единственное место, которое, как он знал, было брошено на произвол судьбы, было хорошо известно Дрогону. Какое-то место, где должны быть тексты, которые он мог бы найти, чтобы выучить язык, прежде чем уничтожать своих врагов, чтобы он не стал угрозой для Вестероса. Единственное место, куда он мог пойти, был Драконий Камень. сначала примите на себя опасность и победите врагов. Но прежде всего ему нужно было выучить высокий валирийский язык, чтобы управлять своим драконом. Единственное место, которое, как он знал, было брошено на произвол судьбы, было хорошо известно Дрогону. Какое-то место, где должны быть тексты, которые он мог бы найти, чтобы выучить язык, прежде чем уничтожать своих врагов, чтобы он не стал угрозой для Вестероса. Единственное место, куда он мог пойти, был Драконий Камень.

"На Драконий камень!" Джон скомандовал, поскольку Дрогон, казалось, понял. Дракон взвизгнул, прежде чем поднять голову и взмахнуть крыльями. Внезапно они оказались в небе, ледяной ветер, снег и зима были забыты, поскольку тело огромного зверя было теплым, и они направлялись домой. Джон больше не был Джоном Сноу, бастардом Винтерфелла, он был принцем Эйгоном Таргариеном, законным наследником Железного трона, и он был готов забрать то, что принадлежало ему, когда придет время, даже если это означало прибегнуть к Исползование огня и крови.